жение доблестей и побед человеческой души уступает место изображению ее трагического несовершенства, раскрытию трагического противоречия между естественным правом человека на удовлетворение своих страстей и теми бедами и страданиями, на которые обрекают его стремление во что бы то ни стало осуществить это право. Это примерно то же противоречие, которое было сформулировано Гоббсом как противоречие между естественным правом и естественным законом, между велениями эгоистического и общего разума. Это та самая проблема разумного самоограничения человеческого индивидуума во имя его же собственного блага, которая была выдвинута эпохой Возрождения. Но ее решение в классицистической трагедии, равно как и в этике Гоббса, было подсказано жизненной практикой XVII века, практикой общественных отношений эпохи французского абсолютизма. Ведь категория общего разума — именно общего, а не «универсального» разума — это и есть этическая категория абсолютизма, и в качестве таковой она больше объясняет в проблематике классицистического театра, нежели гносеологическая категория «универсального разума» Декарта.

Абсолютизм в политике и общий разум в этике были для сознания XVII века единственными гарантиями человеческого благополучия. И если жизненная практика, общественная практика абсолютистского режима обнаруживала недостаточность подобной гарантии, то ответственность за это возлагалась не на социально-политическую структуру общества, а на естественную структуру человека, на трагическое несовершенство его «природы». Но тем самым оправдывался земной человек, морально неповинный в несовершенстве своей природы. В этом и заключался гуманистический пафос утилитарно-эгоистической морали и этической проблематики классицистической трагедии.

VI

Принято говорить, что в классицистической трагедии ничего не происходит. В действительности же в ней происходит многое. но, как уже об этом говорилось, в самих героях, а не во внешних обстоятельствах. Происходит «развитие судьбы человеческой» как становление и утверждение человеческого характера в его стремлениях и желаниях, в его страстях и поступках. Характера, мыслимого в отвлечении от его судьбы, во французской классицистической трагедии нет. Подобный характер явился порождением романтического искусства в широком смысле этого слова. Будь то Эрнани, Карл Моор, Вертер, Корсар, Алеко или Мцыри,